

УДК 94(574) + 339.1-051 + 27-676(470.5)

А. С. Палкин

**УЧАСТИЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ КУПЦОВ-ЕДИНОВЕРЦЕВ
В ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ КАЗАХСТАНА XIX В.**

Рассматривается процесс проникновения капитала уральских купцов-единоверцев на территорию Казахстана в контексте российской экспансии в Среднюю Азию в VIII–XIX вв. Отмечается, что компания екатеринбургских купцов одной из первых начала промышленную разработку природных ресурсов Казахстана (медные месторождения Дзержинского и Карагандинский угольный бассейн). Особое внимание уделяется религиозному фактору, определяющему действия екатеринбургских купцов, и роли, которую сыграло принятие ими единоверия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Казахстан; капитал; единоверие; старообрядчество; российская экспансия.

В данной статье рассматривается проникновение капитала екатеринбургских купцов-единоверцев¹ А. Т. Рязанова и Т. П. Зотова в Казахстан и участие их в промышленном освоении края.

Аникий Терентьевич Рязанов (ок. 1800–1857) был племянником знаменитого и наиболее уважаемого екатеринбургского купца Якима Меркурьевича Рязанова [см.: Байдин, 2008б, с. 68–77; Агеев, Микитюк, с. 42–99]. Рязановы были богатейшими купцами, сколотившими свое состояние на поставках сельскохозяйственных продуктов и салотопном производстве, а со второй половины 1820-х гг. переориентировавшимися на золотодобычу. Я. М. И А. Т. Рязановы были весьма успешны в делах, компания их процветала, а сами они прославились широкой благотворительностью и неустанными трудами на благо Екатеринбурга [см.: Агеев, Микитюк, с. 63–99].

Тит Поликарпович Зотов (ок. 1793–1857) был управляющим Кыштымскими заводами наследник Л. И. Расторгуева, а затем стал заниматься золотодобычей в Сибири, чем и нажил себе немалое состояние. Однако со второй половины 1840-х гг. он, как и другие уральские предприниматели, столкнувшись с конкуренцией со стороны сибирских купцов, поддерживаемых местными

¹ Единоверие — религиозная форма воссоединения староверов с господствующей церковью. Официально учреждено в 1800 г. Старообрядцы, принявшие единоверие (единоверцы), должны были признавать иерархию РПЦ и получать от нее священников, служащих по старым книгам и обрядам.

чиновниками, вынужден был в значительной степени переориентироваться на Южный Урал. Для этого он пошел на союз с Рязановыми. Во второй половине 1840-х гг. компания Зотова — Рязанова продолжила продвижение на юг и нацелилась на развитие металлургического производства в перспективных, хотя и не слишком спокойных «киргизских степях» [Там же, с. 99; см. об этом: Генеалогические схемы... (схема 26)].

Говоря о действиях екатеринбургских купцов-единоверцев в степях Казахстана, необходимо остановиться не только на их роли в развитии региона, но и на религиозном контексте их деятельности.

Как и большинство знаменитых купеческих фамилий Екатеринбурга, изначально Рязановы и Зотовы были старообрядцами, причем отнюдь не рядовыми членами общины, а настоящими «столпами древлего благочестия» — лидерами огромной уральской беглопоповской организации, фактически признанной властями в конце XVIII — первой четверти XIX в. Об этом говорит и тот факт, что почти все городские головы Екатеринбурга в этот период избирались из среды купцов-старообрядцев [см.: Главы городского самоуправления...]. Такое положение дел, с одной стороны, было следствием того, что большая часть купцов и заводской администрации принадлежала к старообрядчеству, а с другой стороны, способствовало дальнейшему укреплению роли нарождающейся буржуазии в экономике и социально-политическом развитии края, что проявилось в конечном итоге и в экспансии уральского капитала в Сибирь и Среднюю Азию.

Однако ситуация изменилась с конца 20-х гг. XIX в. В это время по инициативе императора Николая I старообрядчеству была объявлена настоящая война. Староверы были поставлены перед выбором или подвергнуться репрессиям, или принять единоверие, т. е. фактически пойти на предательство веры своих отцов. Выбор этот был более тяжел именно для верхушки старообрядчества, которая могла потерять свой бизнес и положение в обществе, но при этом они не хотели менять и свои религиозные убеждения.

Помимо законодательных мер и внедрения института секретных совещательных комитетов, которые, по определению В. И. Байдина, являлись «органами внесудебной расправы с религиозными диссидентами» (Пермский губернский комитет был открыт в 1838, а Екатеринбургский, действовавший на территории горнозаводского Урала, в 1845 г.) [см.: РГИА, д. 43, л. 338—339; д. 44, л. 204—206 об.; Байдин, 1983, с. 142—143], для обращения староверов использовались и меры местного значения. Подробно история внедрения единоверия среди верхушки уральской беглопоповщины рассмотрена в диссертации В. И. Байдина [1983, с. 88—148].

В середине 1830-х гг. староверов перестали записывать в купцы I гильдии, а в 1835 г. им было запрещено занимать должность городского головы. Первым попал под действие этого закона А.Т. Рязанов, переизбранный на очередной срок в 1835 г. [Байдин, 2008, с. 88]

В марте 1838 г староверам фактически запретили заниматься торговлей. Эта мера достигла своей цели: старообрядческая верхушка, крайне стесненная этими постановлениями вынуждена была поступиться своими религиозными

интересами в пользу экономических. Летом 1838 г. группа екатеринбургских купцов I и II гильдии перешла в единоверие. Это были Я. М. Рязанов, И. Харитонов, К. Якушев с сыном Иваном, другими детьми и внуками, М. Егоров и др. Переход в единоверие стал возможен, очевидно, и в связи с переориентацией экономических интересов екатеринбургского купечества на сибирскую золотопромышленность [см.: Байдин, 1983, с. 124–125].

Однако были и примеры более стойкой веры. П. Я. Харитонов и Г. Ф. Зотов [см. о них: Агеев, Микитюк, с. 74–83; Шкерин, с. 80–83] были отправлены в ссылку и наотрез отказались принять единоверие, хотя им предложили прекратить следствие в случае согласия [Агеев, Микитюк, с. 83].

Несмотря на то, что в конце 30-х — начале 50-х гг. XIX в. число обращенных в единоверие старообрядцев достигло, в том числе благодаря архиепископу Пермскому Аркадию (Федорову), рекордных показателей — 40 863 человека [см.: столетию единоверия...], не стоит преувеличивать значение подобных переходов.

Трудно не согласиться с С. С. Агеевым и В. П. Микитюком, которые утверждают, что единоверие можно было привить старообрядцам лишь в случае крайней нужды последних в священниках и исключительно с помощью экономического, политического и полицейского давления со стороны государства. Получается, что единоверие рассматривалось большинством старообрядцев как самое последнее средство, как безысходность [см. об этом: Агеев, Микитюк, с. 33–34], к тому же формальный переход совсем не означал действительной смены веры, о чем свидетельствуют и многочисленные факты пребывания в расколе семей единоверцев из среды купечества.

Исторические реалии были таковы, что присоединение к единоверию открывало широкие перспективы для ведения успешной предпринимательской деятельности и участия в социально-экономической жизни. Видимо, руководствуясь подобными мотивами, А. Т. Рязанов впервые пришел молиться в единоверческую церковь в 1845 г. Этот поступок открыл ему дорогу к должности екатеринбургского городского головы и позволил на абсолютно законных основаниях заниматься предпринимательством, в т. ч. и в казахских степях, привлекавших все большее внимание русских предпринимателей.

Принятие в подданство казахов Младшего и Среднего жуза произошло в 30–40-е гг. XVIII в., однако процесс присоединения территории, на которой кочевали казахские племена, растянулся более чем на 100 лет. До начала XIX в., по справедливому выражению И. В. Зеленовой «российское подданство казахов не было достаточно твердым» [Зеленева, с. 167]. Даже после официального включения земель Среднего и Младшего жуза в российскую систему управления в соответствии с высочайше утвержденным в 1822 г. Указом о сибирских киргизах² [см.: ПСЗ, № 29127; Бекмаханов, с. 116; Зеленева, с. 205] казахи продолжали сохранять достаточно широкую автономию, а ситуация в их землях

² Казахи в то время именовались киргизами, поэтому далее в тексте эти понятия будут употребляться как равнозначные.

слабо контролировалась чиновниками царской администрации. До этого русским появляться в степях было достаточно опасно: они рисковали попасть в рабство [см.: Байдин, 1994, с. 10]. Окончательное распространение административные структуры России получили только в правление Александра II, когда после падения Кокандского ханства Казахстан окончательно вошел в состав империи.

Однако уже с начала XIX в. русские постепенно проникали в земли «сибирских киргизов». Интерес русских к Казахстану, проявившийся в первой половине XIX в., был обусловлен следующими причинами.

Во-первых, в изменившейся геополитической обстановке Казахстан начинает играть роль дальней границы для противостояния извечному сопернику — Англии, а также становится потенциальным плацдармом для продолжения дальнейшей экспансии в Среднюю Азию³ [см.: Зеленева, с. 205].

Во-вторых, земли казахов привлекали внимание растущего русского капитализма. Казахстан был интересен предпринимателям как источник полезных ископаемых, дешевого сырья, а также как огромный рынок сбыта, суливший немалые деньги [см.: Бекмаханов, с. 116–117]. Проникновение России на среднеазиатские рынки было важнейшей задачей, поскольку ее товары не могли конкурировать на Ближнем и Среднем Востоке с продукцией Англии и Франции [см.: Зеленева, с. 200].

Одним из направлений экономической экспансии российской буржуазии были поиск и добыча полезных ископаемых. Первооткрывателем месторождений в степях Казахстана был сибирский купец С. И. Попов, проводивший геологические изыскания в Казахстане, результатом которых стало обнаружение в 1810-х гг. залежей серебра, меди и каменного угля в верховьях р. Тюндук. В 1830-е гг. его старшим сыном в юго-восточных районах Казахстана были обнаружены золотые россыпи. На предприятиях Попова производилась также выплавка свинца. Для обеспечения экономических интересов расширяющегося бизнеса С. И. Попов и его последователи скупали у казахов земли и лоббировали создание «заграничных» округов Омской области. Своими действиями С. И. Попов немало поспособствовал включению земель Среднего жуза в состав России [см.: Байдин, 1994, с. 8–12].

В конце 1846–1847 г. другим достаточно интересным персонажем, петропавловским купцом II гильдии Н и к о н о м А б р а м о в и ч е м У ш а к о в ы м⁴ [см.: Агеев, Микитюк, с. 98], в «киргизских урочищах» было обнаружено 16 месторождений медной и свинцовой руды, а также каменного угля. Шесть из них — месторождения меди (урочище Ак-Бюрат между сопок Сарана и Байдавлета, урочище Нельды с содержанием серебра и свинца, урочище Искулы, гора Джанай, урочище Джез-Казган) и каменного угля по речке Сокур — были выкуплены в конце 1847 — начале 1851 г. По еще четырем было получено

³ В официальных российских документах понятие «Средняя Азия» распространялось не только на собственно среднеазиатские государства, но и на Казахстан.

⁴ Н. А. Ушаков был человеком незаурядным, из новой генерации предпринимателей (*self-made-man*). В купечестве он числился с 1842 г., а до этого был крепостным помещицы Тучковой.

принципиальное согласие на выкуп от владельцев-казахов: это медные месторождения — урочища Казан-Санган Юсалы, Там-Куралы, где также был открыт свинец, Карабюрат, Мунглу-Куглу. В разрешении на выкуп территории по другим четырем месторождениям (каменный уголь по р. Джиланчик при урочище Акчатау, при урочище Кызыл-черчь по речке Терс-нутах; по речке Каратургай при урочище Кургашин была открыта свинцовая руда; при урочище горы Куяндов открыта медная руда) было отказано, поскольку данные территории состояли «в заведовывании Министерства иностранных дел» (т. е. еще считались за пределами территории России). Отказ должен был продлиться «впредь до устройства этого края». Наконец, еще два месторождения (при урочище Кайракты месторождение свинцовой руды с содержанием серебра и меди, при урочище Кызыл-Эспе открыта «свинцовая руда с частью серебра») стали предметом спора между Н. А. Ушаковым, которому казахи были согласны «уступить» эти земли, и вышеупомянутым С. И. Поповым, также претендовавшим на них [см.: ГАСО, ф. 97, оп. 1, д. 10, л. 5 об.—9; ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 1—4].

Относительно недавно разбогатевший Ушаков был финансово не в состоянии самостоятельно проводить крупномасштабные разыскания и тем более осваивать месторождения и налаживать металлургическое производство, а потому был вынужден прибегнуть к помощи и капиталам других предпринимателей.

Так, в 1847 г. была предпринята попытка сформировать компанию на паях для совместной разработки месторождений Казахстана. В нее вошли: А.Т. Рязанов (30 паев), Т. П. Зотов (30 паев), Н. А. Ушаков (20 паев), А. Д. Красильников (20 паев) и Ф. А. Хвоцинский (10 паев) [см.: Там же, л. 20—25]. Впоследствии соотношение количества паев изменилось, поскольку Хвоцинский и Красильников по разным причинам выбыли из компании. Позднее Хвоцинский участвовал в организации Святочудовского медеплавильного завода неподалеку от Каменского [см.: Неклюдов, с. 438—439]. Красильников же, внося часть капитала (6 тыс. руб.), разорился и показал себя ненадежным партнером, а потому в состав основного договора включен не был. Впоследствии его кредиторы безуспешно пытались взыскать часть его долга с прочих компаньонов [см.: Там же].

Таким образом, в компании остались А. Т. Рязанов, Т. П. Зотов и Н. А. Ушаков, которые 16 февраля 1852 г. заключили «компанейское условие» [см.: Там же, л. 1—4 об., 50—53 об.; ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 4 об.—8 об.], состоявшее в следующем.

Купец Н. А. Ушаков получал «дозволительное свидетельство» от Главного начальника Алтайских заводов (от 29 августа 1846 г. за № 352) «на право разыскания золотосодержащих россыпей и разных руд и металлов в Западной Сибири и Киргизских округах». Компания разделялась на 120 равных «паев». Рязанову и Зотову отходило по 35, Ушаков получал 20, остальные 30 были

⁵ Ш п л е й з о ф е н — горн для окончательной очистки и переплавки меди и разлива ее в штыки.

⁶ Г е р м а х е р с к и й (гармахерский) — разделительный горн для очистки черной меди от примесей.

оставлены на продажу. Все впредь открытые месторождения должны были принадлежать учредителям компании в вышеуказанных пропорциях, убытки и прибыль компании также делились пропорционально. Продавать паи разрешалось, но не менее 5 (очевидно для того, чтобы не допустить бесконечного дробления компании. — А. П.). Паи могли быть беспрепятственно наследованы родственниками компаньонов. Можно было выходить из компании, предварительно рассчитавшись с другими компаньонами. Компаньонам позволялся самостоятельный или совместно с третьими лицами поиск и разработка полезных ископаемых. Таким образом, представители нарождавшейся русской буржуазии старались сохранить максимальную свободу предпринимательства.

Для заведения производства прописывались следующие условия: Н. А. Ушаков «за понесенные при розысках и впредь продолжаемые труды вознаграждается единовременно десятью тысячами рублей серебром и освобождается от взноса капитала и производства поисковых и дальнейших обследований угля и руды и на устройство плавильного завода расходов, а по устройстве... завода в течение двух годов, мы, Рязанов и Зотов, предоставляем Ушакову право пользования льготой (т. е. отсрочкой по внесению паевого капитала. — А. П.), по прошествии этого льготного времени Ушаков за 10 паев от взноса навсегда остается свободным, а на остальные 10 на равных с прежними компаньонами по числу паев вносит капитал». Так, за понесенные труды по открытию новых месторождений Н. А. Ушаков становился владельцем 16,6 % компании, а затраты нес лишь в 8,3 %. В то же время компаньоны стремились обезопасить себя от несвоевременного внесения капитала. В случае первого нарушения сроков предоставлялась отсрочка, если же пайщик продолжал задерживать платеж, то облагался штрафом в 1 тыс. рублей неустойки, второй — в 2 тыс. руб., а в третий раз исключался из компании. Приход и расход капиталов на устройство завода принадлежал непосредственно Ушакову, который должен был отчитываться перед остальными участниками компании. Затем планировалось учредить по общему согласию должность управляющего.

Все дела в компании в случае споров между компаньонами, «кроме домашнего», должны были решаться не в судебных местах, а «медиаторским судом по совести».

Данный договор положил начало достаточно успешному существованию Спасского медеплавильного завода при урочище Сокур-Сарана, строительство которого было начато в 1857 г., а производство было запущено в начале 1860-х гг. (уже после смерти А. Т. Рязанова и Т. П. Зотова). На постройку ушло 130 тыс. руб. серебром.

Не все месторождения, открытые Н. А. Ушаковым, эксплуатировались вместе с заводом. Реально удалось освоить месторождения лишь в Акмоллинском округе при урочищах Сокур-Саране, Нельды, Джеб-Казган и Караганды.

Вот как описывается уже готовый завод (представлявший собой достаточно передовое по тем временам производство), вероятно, самим Н. А. Ушаковым: «Корпус завода выстроен каменный, покрыт железом, в нем для опытной плавки сложены шахтных 4 печи, корпус шпайзофенной⁵ каменный, покрыт железом, в корпусе сложены два шпайзофенных и три гермакерских⁶ горна,

воздуходувные цилиндры имеют действие от двадцатисильной паровой машины, которая нагревается теряющимся жаром. На опытной плавке в Спасском заводе выплавлено меди 12700 пуд. По пробам добротой превосходит меди Тагильского завода...» Отмечалось также, что на заводе «киргизы охотно работают... за выгодную цену», в отличие от русских мастеров, которым приходилось платить больше. Завод обладал развитой инфраструктурой: склады, магазины, дома для администрации и служащих, казармы для рабочих, погреб, кузница, пекарня, скотный двор.

При урочище Сокур-Сарана были открыты Спасский (при самом заводе) и Воскресенский (в 2 верстах от завода) рудники. При урочище Нельды был открыт Успенский рудник (в 10 верстах). При урочище Джеб-Казган находились такие рудники, как Крестовоздвиженский, Покровский, 2-й Спасский, Никольский, Златоустовский, Петропавловский (примерно в 250 верстах от завода). Запасы меди в них оценивались как «значительные» и «неистощимые».

При урочищах Караганды и Сокур открыли каменный уголь (в 31,5 верстах от завода), использовавшийся для плавки руд и очистки меди. Запасы угля также считались «неистощимыми». Под рудники и каменноугольную копь было «окартомлено» (арендовано) земли площадью 355 квадратных верст [см.: ГАСО, ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 79–82 об.].

В 1860-е гг. предприятие перешло в руки вдовы Аникия Терентьевича Анны Семеновны Рязановой, выигравшей тяжбы о разделе имущества у Н. А. Ушакова. Завод был весьма крепким и даже ставился в пример прочим [см.: Агеев, Микитюк, с. 104–105]. Однако наследники А. Т. Рязанова так и не смогли организовать по-настоящему крупное промышленное освоение края. Крупные разработки в районе Джебказгана и Караганды начались лишь после допуска иностранного капитала в начале XX в. и продолжились в советское время. Но необходимо помнить, что начиналось все с компании екатеринбургских купцов-единоверцев, во многом опередивших свое время.

Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.
Байдин В. И. Инициатива сибирского купца С. И. Попова по колонизации Казахстана в 1810–1830-х гг. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994.

Байдин В. И. Рязанов Аника Терентьевич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008а.

Байдин В. И. Рязанов Яким Меркурьевич // Там же, 2008б.

Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII — середина XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.

Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алматы. 1992.

ГАСО. Ф. 97, 643.

Генеалогические схемы к монографии С. С. Агеева и В. П. Микитюка «Рязановы — купцы екатеринбургские». Б. м., 1998.

Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005.

К столетию единоверия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 21.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.

ПСЗ. Т. 38.

РГИА. Ф. 1473. Оп. 1.

Шкериш В. А. Харитонов Петр Яковлевич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Статья поступила в редакцию 12.09.2011 г.